

— Спасибо.

— Спасибо? Да возьми с них за еду! — громко бросила Лим Бон Су.

— Эй! — возмутился Пак Чу Хван. — Я ведь всю землю перекопал...

— Немного покопал — и уже важную еду лопаешь! Плати! — парировала она.

Пак Чу Хван уныло уставился в свою миску. Обидно, но вкусно. Так что он быстро зачерпнул рис и отправил в рот. Нам Гун Хёк же ел, закусывая и попивая макколи.

Ын Юль сел напротив Кан Ха Джуна.

— А тебе рис? — спросил тот, заметив, что перед ним пусто. Если бы Ын Юль велел, он бы сам сбегал и принес.

— Я сам себе положу, — отозвался Ын Юль, словно говоря: «Не заботься обо мне».

Он достал палочки, взял большой кусок тушёных ребрышек и положил его на рис Ха Джуна.

С той секунды, как палочки подняли мясо, Ха Джун не мог оторвать от него глаз, а потом уставился в свою миску.

— Это...

— Ничего особенного. Я же говорил, что верну тебе за завтрак. А тушёные ребрышки я сам готовил, так что просто поделился. — Ын Юль говорил так, будто дело пустяковое.

— Я всегда так жил. Если получал помощь — возвращал вдвойне. Если знал, что не смогу вернуть, то и помощи не принимал.

— ...

— Это мой способ оставаться с достоинством. Я никогда не прикрывался тем, что один, и не навязывался другим. Поэтому мне не стыдно перед Ха Нылем.

В его спокойных словах чувствовалось всё время, что он растил ребёнка.

— Услышала бы бабушка — рассмеялась бы, — пробормотал он, усмехнувшись над собой.

— Так что не нужно мне односторонне что-то делать.

Когда Ха Джун всё смотрел на тушённые ребрышки, Ын Юль подтолкнул:

— Ешьте. Долго тушилось — мягкое. Не любите тушёные ребрышки? Ха Ныль его больше всего обожает. Неужели только у вас вкусы другие?

— Люблю.

Ын Юль удивлённо склонил голову, а Ха Джун положил на ложку рис с кусочком рёбрышка и съел.

— И ещё попробуйте. Хобакчон хотите? — и не дождавшись ответа, положил ему на рис.

— Когда еду на рис кладут... это любовь же, — пробормотал Пак Чу Хван.

Когда Ын Юль положил ему мясо, Ха Джун растерялся. За всё время наблюдений тот не казался человеком, который способен на такую заботу. До сих пор так делал лишь один человек.

□Ха Джуна, кушай побольше. Поешь — и сил на игры хватит.□

□А можно и играть, а не только учиться? Отец же сказал учиться.□

□Тебе всего семь. Учёба — когда захочешь, после игр.□

□И правда... можно?□

□Конечно. С отцом мама сама поговорит. Ну-ка, ешь.□

Всплыли воспоминания детства. Самые счастливые... и те, что больше никогда не вернуться. Никогда.

— Эй, едок, где пропал? — голос Ын Юля вернул его в реальность.

Ха Джун поспешно зачерпнул и отправил в рот. Мясо и рис, пропитанные сладким и мягким соусом, идеально сочетались.

— Кимчи тоже ешьте, — кивнул Ын Юль. Тот послушно взял палочками кимчи.

— А это тофу с кимчи — я сам делал... — он положил кусок в рот. Пряная, слегка жареная кимчи с тофу вкусно соединились.

— А мэмильчон ещё вкуснее.

Ха Джун ел, а Ын Юль украдкой улыбался.

«Хорошо ест».

Для человека с маниакальной чистоплотностью есть еду, к которой прикасались чужие палочки, было бы непросто. Поэтому Ын Юль специально раскладывал всем по порциям, показывая, что палочки чистые. И всё же — ел охотно.

«Ничего, справится».

Ему важно было, сможет ли Ха Ныль привыкнуть к новой жизни. Но вместе с этим он думал и о Ха Джуне. Утром тот почти не ел — Ын Юль списал на заботу о ребёнке, но вдруг вспомнил про его навязчивую чистоплотность.

Это ведь из-за детской травмы... Ын Юль не знал, как лечить. Но беспокоился: раз уж им придётся жить вместе, не создаст ли это трудностей. Хотя, по крайней мере, он не показывал раздражения перед Ха Нылем.

И всё же — что это он делает, словно проверяет, можно ли вместе жить? Ын Юль вздохнул.

Ха Джун, подняв глаза от тарелки, увидел его и тут же замер.

— А что это вы так хорошо едите, а? — внезапно вспыхнул Ын Юль.

Хотя и без его угощений Ха Джун ел с аппетитом.

— Вы что, обычно не едите?

Ха Джун посмотрел на миску — пустая, до последнего зернышка.

— Просто... голоден был, — промямлил он, даже это — чисто.

Ын Юлю всё было не по душе. Он нервно поднялся, вынес из кухни рисоварку и поставил на стол.

— Хотите — ешьте.

Ха Джун достал новую ложку и набрал ещё.

— Теперь сами.

Сказал всё, что хотел, убедился в своём — и решил оставить его в покое.

Тут Нам Гун Хёк протянул пустую ложку:

— Мне тоже положи.

Чтобы показать, что за столом не только Ха Джун. Ын Юль взял и положил ему здоровенную кость.

— Это что, мне кость глотать?

— Ой, не заметил. Человеку дал кость. — Сказал он нарочно невинно.

— Ты меня псом называешь?

— Да вы что! — и сверху положил ему большой кусок кимчи. — Псы-то чем виноваты.

Нам Гун Хёк только фыркнул, но ел молча.

— Вкусно ведь, — хмыкнул Ын Юль, заметив, что тот заткнулся из-за еды.

Съев кимчи, Нам Гун Хёк набросился и на тушёные ребрышки. С таким видом, будто ведёт бой, а не ест.

— Ты ведь специально? Знаешь же, что главное в ханчжоншике — тушёные ребрышки.

Он смотрел на него подозрительно, и лицо Ын Юля скривилось.

— Что за чушь собачья.

— Знаешь ведь, что я тушёные ребрышки больше всего ценю.

— Да у вас бред.

— Это же такое хлопотное блюдо. И в хэчангучжипе вдруг запах ребрышек...

— Да если бы вы не пришли, и не попробовали бы. Я готовил не для вас.

— Так для Ха Джуна?

Обычно Ын Юль бы резко отрезал. Но сейчас...

— Что, правда?

Ещё и Пак Чу Хван про любовь ляпнул...

— Эй! — перебил его Ын Юль. — Не вбивайте себе ерунду. Вы ведь лучше всех знаете, как у меня с Кан Ха Джуном.

Нам Гун Хёк знал. Именно поэтому ему и любопытно было, почему тот пришёл, что произошло, и что значит — класть ему еду.

— Знаете что, лучше ешьте. Или пейте макколи. — Ын Юль сунул ему бутылку. И взгляд Нам Гун Хёка прилип к макколи.

А Пак Чу Хван, у которого риса так и не было, тут же осторожно перетащил к себе всю рисоварку. Все обиды про «платить за еду» мигом забыл.

Кан Ха Джун сидел на лавке перед закусочной, взгляд рассеянный. Не то чтобы смотрел куда-то — просто глаза были направлены в пустоту, а в голове — пусто.

□Это мой способ оставаться с достоинством. Я никогда не прикрывался тем, что один, и не навязывался другим. Поэтому мне не стыдно перед Ха Нылем.□

— Значит, и удивляться мне всё ещё есть чему, — прошептал он.

Вспомнив слова Ын Юля, Кан Ха Джун сухо усмехнулся.

Он уже понял, что Сон Ын Юль изменился, и думал, что достаточно просто принять это. Но в итоге пропустил удар. Наверное, он слишком легко считал, будто тот изменился лишь потому, что появился Ха Ныль. А вот когда услышал, с какими мыслями он растил ребёнка и как защищал его от мира, — это потрясло и больно задело.